

задней стеной трехчастная целла с большим портиком с тремя рядами колонн по фронту и рядом колонн вдоль боковых стен храма. Храм был на подиуме. Пользоваться рельефами, воспроизводящими фасад храма, трудно, так как они едва ли точны.

Храмы в Теламоне и Луни, интересные по своим фронтонным композициям, совершенно не ясны архитектурно. Раскопки свелись только к собиранию фрагментов скульптуры, которые датируются концом III в.—началом II в. Ни съемки плана, ни обмеров сделано не было.

Растущее влияние греческой культуры в Италии эпохи эллинизма, растущая мощь Рима как мирового государства, эллинизация общественной верхушки—сделали то, что своеобразные этрусско-италийские храмы перестали удовлетворять как деформирующую этрусскую знать, так и эллинизованную знать и всадничество Рима. Наконец, строительная политика Августа произнесла им смертный приговор.

Если эти храмы и продолжали стоять на местах в конце I в. до н. э., то все же вся их конструктивная система постепенно изживалась и уступала место мраморному храму или каменному, крытому шtukом.

Е. Ернштедт

Научная конференция археологов, изучающих историю Украины в скифо-сарматский период

В античную эпоху на территории теперешней УССР обитали, как известно, сначала скифские, а впоследствии сарматские племена, которые вместе с исконно осевшими в этих местах различными туземными племенами составляли основное население территории современной Украины. В эту же эпоху здесь жило греческое население; переселившееся сюда как из малоазийских греческих колоний, так и из других городов материковой и островной Греции. Греки сосредоточились в городах и поселениях, расположенных на побережье Буга и Днепра. Главным из этих городов была Ольвия, основанная в VI в. до н. э. на правом берегу начала Буго-Днепровского лимана, там, где в него впадает Буг.

Несмотря на большой интерес, какой представляет этот период для истории СССР, для истории УССР, мы до сих пор еще не имеем более или менее полных исторических сводок. Объясняется это многими причинами; главная из них заключается в том, что основные источники по истории этой эпохи, памятники материальной культуры греков-поселенцев, скифских, сарматских и других туземных племен скрыты в недрах земли. Правда, археологические раскопки были начаты на территории УССР еще в прошлом столетии. Достаточно указать на раскопки Ольвии и Березани, на раскопки скифских курганов и т. д. Однако ни по объему, ни по методу проведенных работ они не могут удовлетворить интересы научного знания.

Развернувшаяся за последнее время в нашей стране археологическая работа, организация Института археологии при Академии наук УССР, широкий размах его работы в разных направлениях, в том числе и в области раскрытия и изучения памятников скифо-сарматских племен и греческих городов, заставили подытожить все результаты проведенных работ, планировать предстоящие раскопки и исследования, а затем и создать соответствующую организацию кадров научных исследователей, чтобы тем самым обеспечить выполнение важнейших очередных задач.

С этой целью Институт археологии Академии наук УССР провел в Киеве с 25 по 28 апреля 1939 г. научную конференцию археологов, работающих в области изучения памятников скифо-сарматских племен и греческих поселений на территории УССР. Такая тематическая конференция созывается впервые; поэтому понятен большой интерес, какой она возбудила не только в научных кругах УССР, но и в Москве, Ленинграде и других городах, где имеются археологические учреждения и крупные исторические музеи.

Перед конференцией были поставлены следующие задачи: подытожить археологические работы последних лет; взаимно информировать исследователей о ведущихся ими работах, обсудить спорные и неясные вопросы по истории этого времени, выработать план ближайших работ.

Во вступительном докладе акад. С. А. Жебелева (Академии наук СССР) в кратких чертах были подведены некоторые итоги и намечены основные задачи в области изучения истории Украины в скифо-сарматский период. Более подробно акад. С. А. Жебелев остановился на вопросах изучения Ольвии и Скифии, на вопросах, связанных с подготовкой новых кадров, на организации ближайших мероприятий в области упорядочения и планирования раскопочного дела.

Дальнейшие доклады и сообщения были сгруппированы вокруг трех основных тем конференции: скифы, греки, сарматы.

Одной из наиболее неясных и неразработанных проблем в области изучения скифской культуры является вопрос о связях скифской культуры с предшествовавшими ей культурами, в частности—с культурой киммерийской.

Этому вопросу был посвящен доклад И. В. Фабрициус (Киев). Докладчик пришел к выводу, что рядовые массовые памятники материальной культуры раннескифского периода показывают значительную преемственность их с культурами предшествовавшего периода. Из этих культур сильное влияние оказала культура обитавшего на территории УССР местного земледельческого населения, известная под названием трипольской. Эти влияния прослеживаются и в керамике, расписной и орнаментованной, и в металлических изделиях. Среди низов туземного общества прослеживается на протяжении нескольких тысячелетий стабильная преемственность основных культурных форм, в то время как у верхушки общества как киммерийского, так и скифского периодов мы наблюдаем сильные влияния Передней и Малой Азии, Востока и других культурных центров того времени.

Ряд докладов и сообщений был посвящен результатам археологических раскопок, производившихся за последние годы для изучения истории Украины в скифский период. Б. Н. Граков (Москва), руководивший раскопками, производившимися Никопольским музеем, сообщил о результатах расследования в 1937 и 1938 гг. курганов на площадке Никопольстроя. В двух больших курганах, относящихся к эпохе ранней бронзы, каждый из которых, возможно, служил коллективным кладбищем, обнаружены могилы ямного (со скорченными на спине и на боку костяками) и катакомбного типов. В четырех других небольших курганах, раскопанных за те же годы, открыто 5 скифских погребений IV—III вв. до н. э. В мужских погребениях были оружие и принадлежности конской сбруи, в женских—украшения и предметы хозяйства. Одновременно с раскопкой курганов начато было расследование большого скифского городища в Каменских кучугурах, относящегося к IV—III вв. до н. э. и являющегося ремесленно-торговым поселением.

И. Н. Луцкевич (Харьков) выступил с докладом об исследованных за последние 20 лет скифских памятниках на территории Харьковской области. Удалось установить, что поселения скифского времени располагаются большей частью на высоких местах, близ рек и глубоких балок. Эти городища чаще всего занимают большую территорию, где часто встречаются «зольники», и бывают окружены рвами и валами. Могильники, в большинстве случаев курганные, располагаются обычно несколько в стороне от городищ и поселений, а иногда между двумя поселениями, на высоком месте. Исследованные в Харьковской области памятники свидетельствуют о том, что местное население VII—II вв. до н. э. вело оседлый образ жизни и занималось земледелием и скотоводством.

П. П. Куринный (Киев) сообщил о результатах его раскопок в Белоградке и ближайших к ней окрестностях (на Уманщине), где было открыто 17 зольников курганообразного типа, высотой до двух метров, относящихся к IX—VIII вв. до н. э. Зольники состояли из чернозема, подзола, пепельных и угольных прослоек, из расколотых костей домашних животных, керамических фрагментов (в большом количестве), обломков обожженной обмазки, фрагментов орудий (кремневых, каменных и костяных), форм для медного литья, статуэток, миниатюрных вотивных сосудов и т. д.

С докладом на тему «К изучению местного населения скифского периода в районе реки Трубежа» выступила В. Е. Козловская (Киев). Докладчик раскопал в 1926—1927 гг. около села Сеньковки (Киевской области), в районе реки Трубежа (левого притока Днепра), 17 курганов IV—III вв. до н. э., входивших в состав трех групп, каждая из которых, возможно, являлась родовым кладбищем. Обращает на себя внимание отсутствие в могилах предметов вооружения, греческих привозных изделий и костей животных. В большинстве могил находились посуда и скромные женские украшения. Золотые и серебряные вещи оказались только в одном из курганов. Характерной чертой могил этих курганов является одновременное погребение с пожилыми мужчинами женщин (может быть, убитых наложниц); молодых мужчин хоронили без женщин. В общем сеньковские курганы свидетельствуют о значительной социальной дифференциации, происшедшей к этому времени в туземном обществе.

О разведочных работах Института археологии Академии наук УССР в 1938 г. на группе городищ и поселений скифского периода в центральной части Украины сообщила И. В. Фабрициус (Киев). Работы проводились в связи с начинаемыми в 1939 г. систематическими раскопками скифских городищ и поселений, как следует не изученных. Необходимо было ознакомиться с современным состоянием уже известных в науке крупнейших скифских городищ и поселений и разыскать новые городища и поселения. Немировское городище (в Немировском районе Винницкой области) оказалось в значительной мере разрушенным, причем скифский слой, лежащий на трипольском слое, в свою очередь перекрывается значительным количеством более поздних слоев; некрополь, принадлежащий Немировскому городищу, выявить пока не удалось.

Возле Рыжановских курганов (Звенигородского района, Киевской области), среди которых еще имеются и целые курганы, удалось установить остатки скифского городища. Пасторское городище (Златопольского района, Киевской области) в значительной мере разрушено (кроме части внешних валов). Зато по соседству с ним открыты два новых городища. Одно из них, в Шарпинском лесу, хорошо сохранилось, окружено валами и рвами с мощным культурным слоем, V в. до н. э. Другое городище находится у хутора Качуривки. Ближайшие к этим поселениям некрополи открыты у Журавки и Капитоновки.

У Мотронинского городища (Чигиринского района, Киевской области), с давних пор разрушавшегося постройками находившегося здесь монастыря, почти нет целых курганов.

Гавриловское городище (Нововоронцовского района, Николаевской области), среднеклассического времени, сохранилось лишь частично. Шарпинское и Гавриловское городища выдвигаются докладчиком для раскопок первой очереди.

Результатам работ по подготовке к изданию ранее открытых скифских памятников был посвящен доклад С. А. Семенова-Зусера (Харьков), сообщившего о проработанных им материалах из Краснокутского кургана, раскопанного еще в прошлом столетии.

Конференция наметила ряд очередных задач в области исследования памятников и изучения истории УССР скифского периода. По линии раскопочных работ признано необходимым расширить работы на Никопольщине, приступить к стационарным раскопкам Шарпинского, Бельского, Гавриловского и других городищ, наряду с развертыванием систематических разведочных работ, в первую очередь по таким речным артериям, как Днепр и Буг. В области исследовательской работы конференция приняла решение на ближайшие годы сосредоточить внимание на изучении комплексов скифских памятников из городищ и селищ, курганов и могильников, находящихся в музеях УССР, для составления большого сводного *Corpus*'а скифских памятников и отдельных монографий и исследований.

Второй основной проблеме занятий конференции—изучению античных поселений на территории УССР, главным образом Ольвии,—было посвящено основное внимание конференции. Это объясняется не только большим значением Ольвии для истории Украины в античную эпоху, но и тем, что за последние годы снова наладилась и систематически ведется большая экспедиционная и исследовательская работа в области

раскопочною изучения памятников Ольвии и исследования основных вопросов ее истории.

Раскопкам, произведенным в Ольвии за последние несколько лет, был посвящен доклад Л. М. Славица (Киев). Ольвийские экспедиции 1935—1938 гг. проводили свою основную работу на площади древнего города. Здесь открыты были: архаический некрополь VI—V вв. до н. э. с захоронениями как греков, так и скифов; часть нескольких кварталов города IV—II вв. до н. э. в крайней, северо-восточной части верхнего города, где установлено было террасовидное строение склона-косогора и открыт ряд зданий с примыкающими к ним мощными улицами; часть нескольких кварталов города I—IV вв. н. э. в южной части нижнего города, где открыты были остатки крепостной стены, защищавшей в послегетскую эпоху находившийся здесь портовый район Ольвии, большое здание пекарни и остатки кирпично-черепичного производства.

Одновременно с этими работами продолжено было исследование основных комплексов III—II вв. до н. э. на крайнем южном участке нижнего города, в основном раскопанных уже Б. В. Фармаковским в 1909—1914 гг. Здесь открыты были улица-лестница, ведущая из нижнего в верхний город, каменные водопроводные магистрали, подававшие родниковую воду в жилые здания, новые помещения северного и южного зданий.

Результаты раскопок Ольвии за последние годы позволили по-новому осветить ряд исследовательских вопросов: о греческом и туземном элементах в Ольвии, о так называемом «римском» периоде в истории Ольвии, об основном характере города в послегетскую эпоху, о местных производствах и т. д. и т. п.

Впервые проведенные в 1938 г. раскопки ольвийской периферии дали очень ценные результаты. Открыто у села Кателино греко-скифское поселение IV—II вв. до н. э., население которого, очевидно, занималось в значительных размерах земледелием.

Начата работа по расчистке крайне запущенных, ранее (1901—1915 и 1920—1932 гг.) раскопанных участков древнего города, по приведению их в надлежащее экспозиционное состояние.

Значительное внимание конференция уделила проблеме взаимоотношений греков и скифов. С одним из докладов на эту тему «Проблема скифских погребений в Ольвийском некрополе» выступила С. И. Капошина (Ленинград). Докладчик прослеживает в ольвийском некрополе две группы погребений. В одной группе выступают греческие элементы погребального обряда. В другой группе ольвийских погребений находим черты, свойственные скифскому погребальному обряду, а именно: встречаемые часто в грунтовых могилах остатки деревянных перекрытий, облицовки стен и полов (часто напоминающие срубы); наличие основных типов скорченных погребений с ритуальным окрашиванием костяков; наличие в ряде ольвийских могил значительной группы предметов, встречаемых чаще всего в скифских погребениях,—мечи, кинжалы, стрелы, секиры, железные ножи, оселки, зернотерки, золотые украшения.

А. С. Коцевалов (Харьков) доложил конференции о результатах проведенной им большой работы по изучению всех найденных в Ольвии за последние 20 лет надписей и клейм. Среди надписей обращает на себя внимание декрет конца III в. до н. э., из которого видно, что у ольвиополитов были в это время настолько тесные отношения с окружающими их туземными племенами, что даже с одним из них Ольвия имела общий совет. Фрагменты процарапанных надписей (граффити) были найдены на обломках штукатурки одного из помещений—раскопанного в 1935—1937 гг. в нижнем городе здания пекарни II—III вв. н. э. На одном из обломков говорится о гимнасии и о натирании маслом.

Из общего количества 1819 клейм на сосудах и черепицах 829 оказались родосскими, 415—синопскими, 98—херсонесскими, 61—фасосскими, 45—книдскими и т. д. Эти данные являются одним из лучших показателей для характеристики торговых сношений Ольвии с другими центрами греческого мира.

Новому толкованию одного из ольвийских письменных памятников II в. н. э., А. С. Коцевалов посвятил свой второй доклад. Речь идет о надписи (IosPE, I², 176), в которой говорится об отстройке в Ольвии молельни. Часть исследователей, зани-

мавшихся этой надписью, считала, что в ней говорится о молитвенном доме евреев и что надпись составлена евреями же. А. С. Коцевалов полагает, что надпись является посвящением какому-нибудь полуиудейскому, полужыческому божеству, культ которого носил в Ольвии официальный характер.

Тысячи изделий из металлов извлекаются из земли ежегодно при раскопках Ольвии. Основным вопросам изучения металлического производства Ольвии в связи с изучением находок из раскопок 1935—1937 гг. был посвящен доклад Л. Д. Дмитрова (Киев). Докладчиком был исследован многочисленный и разнообразный ассортимент предметов домашнего обихода жителей Ольвии, их орудий производства, вооружения, украшений и пр., позволивших установить наличие в Ольвии хорошо развитых ремесленных производств: кузнечного, литейного и др.

Около 20 лет А. Н. Зограф (Ленинград) изучает монетное дело Ольвии. Итоги этой работы были им доложены на конференции. Историю монетного дела Ольвии докладчик разделил на 4 основных периода, вокруг каждого из которых были им сгруппированы все известные нам до сегодня монетные выпуски города: а) от конца VI до конца IV в. до н. э.—время обращения литой медной монеты; 2) от последней трети IV до середины I в. до н. э.—период от начала систематической чеканки монеты до гетского разгрома; 3) от второй половины I в. до н. э. до 196 г. н. э.—период от гетского разгрома до правления Септимия Севера; 4) от 196 до 235 г. н. э.—период от правления Септимия Севера до начала правления Максимиана.

Из отдельных положений докладчика, имеющих значительный интерес для истории Ольвии, приведем лишь четыре.

Ольвийские так называемые «рыбки» докладчик считает пережиточной формой первоначально полновесных медных денег в виде дельфинов. После того как в конце VI в. до н. э. их сменили полноценные круглые медные монеты, «рыбки» сохраняют в V и IV вв. до н. э. значение разменной мелочи.

После гетского разгрома ольвийское монетное дело оправляется сравнительно скоро, и уже от предпоследнего десятилетия до н. э. имеется серия монет в пять номиналов.

Монеты с изображениями скифских царей Фарзоя и Иненсимея, относящиеся к середине и второй половине I в. н. э., предназначались не для широкого курсирования на рынке, а лишь для раздачи приближенным царя.

В правление Коммода денежное обращение в Ольвии переживает сильный кризис; это видно из того, что в это время Ольвия прибегает к неоднократному (до четырех раз) повышению номинальной стоимости одних и тех же монетных кружков старых выпусков.

С докладом о проводившемся за последние 3 года в Институте археологии Академии наук СССР химико-технологическом изучении ольвийской керамики выступила О. А. Кульская (Киев). Были произведены исследования составов черного и красного лаков на античных привозных сосудах. Эти исследования показали, что химический состав этих лаков близок к составу черепка и в нем не содержится посторонних элементов, употребляемых в современных глазурах. После этих исследований были поставлены многочисленные опыты репродукции (воспроизводства) античных лаков, продолжающиеся и в настоящее время. Успешное разрешение этой проблемы будет иметь крупное народнохозяйственное значение.

Одновременно изучались керамические изделия местного ольвийского производства, как грубые (лепная кухонная и столовая посуда), так и более дорогие сорта (тонкостенная керамика с черным и красным покрытием, лощением и т. д.). Из результатов этих работ интересно отметить два: 1) для разных сортов изготовлявшейся в самой Ольвии посуды сырьем служили одни и те же глины, но различным способом обрабатывавшиеся; 2) анализы черного и красного покрытий на сосудах местного производства показали, что по составу они не отличаются от массы черепка; покрытия эти, являющиеся минеральными красками и силикатами щелочей, накладывались кистью на предварительно обожженные сосуды.

На протяжении тридцати с лишним лет раскопок Ольвии не обращалось долж-

ного внимания на находимые при раскопках в большом количестве кости домашних животных. Лишь с 1935 г. и эта группа находок стала тщательно отбираться и изучаться. Итогом этой весьма важной и большой работы (около 70 000 костей за период 1935—1938 гг.) был посвящен доклад И. Г. Пидопличка (Киев), краткие выводы которого, помещаемые ниже, впервые дают представление о состоянии животноводства и охоты в Ольвии. На первом месте по числу остатков стоит домашний бык, в значительной части комолый. На втором месте стоит коза, на третьем—лошадь и мул, на четвертом—овца, на пятом—сви́нья, на шестом—собака (дворяжка, такса, шпиц, и, видимо, борзая), на седьмом—осел. Остатки кошки и верблюда очень малочисленны.

Среди остатков рыб на первом месте стоит большой сом, на втором—осетр, на третьем—судак, на четвертом—щука.

Домашние птицы представлены остатками курицы, утки, гуся и голубя. Из остатков птиц имеются остатки орлов, пеликана, лебедя, журавля, ворона, куропатки. Что касается диких зверей, то лишь благородный олень представлен значительным количеством остатков. В одиночных экземплярах найдены остатки бизона (зубра), тура, лося, сайги, кулана, дикой свиньи, дельфина.

Результатам раскопок греко-скифских поселений ближней и дальней ольвийской периферии были посвящены доклады В. И. Селинова, К. А. Раевского (Одесса) и М. С. Синицына (Николаев).

В. И. Селинов проводил, по поручению Одесского музея, раскопки греко-скифского поселения в Лузановке (на левом берегу Куяльницкого лимана, под Одессой), являвшегося в IV—III вв. до н. э. одним из многочисленных торговых пунктов на северочерноморском побережье, через который устанавливалась связь греческих, в частности ольвийских, торговцев со скифским населением степей. При раскопках этого поселения обнаружены были мощные улицы, каменные фундаменты построек, остатки площади. Как перечисленные остатки, так и многочисленные находки вещей позволяют констатировать господство местных черт культурной жизни, подвергавшихся, однако, влияниям греческой культуры.

К. А. Раевский сообщил о раскопках другого древнего поселения первых веков нашей эры, остатки которого открыты близ упомянутого выше Лузановского поселения, на месте находящегося здесь колхозного поселения Киселово. Общий характер этого поселения такой же, как и Лузановского, с той лишь разницей, что в Киселове найдены были ступки-зернотерки и некоторые другие предметы, свидетельствующие о том, что его жители занимались земледелием.

Дополнением к этим двум докладом явилось сообщение А. А. Браунера (Одесса) о домашних животных, устанавливаемых для этого района северного Причерноморья на основании костных остатков, происходящих из Лузановки. Выводы этого сообщения дают картину, схожую с той, какую мы выше констатировали для Ольвии. Что касается ландшафта, то А. А. Браунер высказал предположение, что степные плавневые ландшафты благодаря обилию пищи также могли, наряду с обработкой лесных участков, быть использованы для земледелия.

М. С. Синицын сообщил о произведенных Николаевским музеем раскопках в селе Варваровке Николаевской области, в местности, получившей у современного населения села Варваровки название «Смердючих Скель», около 35 км на север от Ольвии, по правому берегу Буга. В результате работ здесь был открыт ряд земляных ям шести типов, довольно значительных размеров, часть которых могла служить скифам для жилья. Поселение, существовавшее здесь в IV—II вв. до н. э., судя по находкам, находилось в оживленных сношениях с Ольвией; его население занималось сельским хозяйством, скотоводством, рыболовством и ткачеством.

В своем докладе «Театры и состязания в древнегреческих колониях на территории северного Причерноморья» С. А. Семенов-Зусер (Харьков) устанавливает, что физическая культура была хорошо поставлена в греческих городах северного Причерноморья. Здесь проводились состязания, а на Боспоре существовали даже и гладиаторы, игры которых пользовались у боспорской аристократии значительной популярностью. Надписи свидетельствуют о том, что в причерноморских городах существовали театры.

По группе докладов, связанных с Ольвией, конференция приняла ряд решений. Указав на значительность проведенных здесь за последние несколько лет работ по раскопкам, по упорядочению заповедника, по организации исследовательской работы, конференция наметила очередные задачи в этой области. Важнейшие из них: консервация и частичная реставрация ранее открытых в Ольвии монументальных памятников, а также приведение всех ранее раскопанных в Ольвии участков древнего города в экспозиционное состояние; продолжение и расширение раскопок на уже систематически ведущихся двух участках; возобновление раскопок в центральной части верхнего города (близ так называемого Зевсова кургана); начало раскопок в совершенно неисследованном районе верхнего города, между участками, раскопанными Б. В. Фармаковским в 1903—1904 и 1907—1908 гг.; возобновление систематических раскопок на некрополе Ольвии; продолжение и расширение работ на городищах приольвийской периферии; изучение, систематизация и подготовка к изданию полного свода материалов из раскопок Ольвии (города и некрополя) за все годы работ; разработка ряда исследовательских тем первой очереди.

Что касается сарматского периода, то, как это выяснилось на конференции, здесь дело обстоит менее благополучно, по сравнению с объемом работ по изучению Скифии и греческих городов. До сих пор в литературе было известно лишь незначительное число небольших публикаций о 3—5 могильниках (Черняхов, Ромашки, Маслово, Зарубинцы и др.) и о некоторых других памятниках.

Впервые открытая Хвойкой 40 лет назад культура «полей погребений» не привлекла к себе сколько-нибудь активного внимания исследователей. В результате мы до сих пор не имеем ни систематически исследованных пунктов, относящихся к сарматскому периоду, ни исследований, посвященных этому довольно продолжительному отрезку истории Украины.

Учитывая такое положение, Институт археологии АН УССР разработал план развертывания своей работы и по этому разделу археологической науки, приступив уже с 1939 г. к реализации этого плана.

На конференции были доложены первые результаты работы над исследовательскими темами, начатыми в 1939 г.

С докладом об основных проблемах изучения культуры «полей погребений» (I—IV вв. н. э.) выступил В. П. Петров (Киев). Большой материал из «полей погребений», имеющийся в настоящее время в музейных коллекциях, заставляет рассматривать эту культуру в том же аспекте, как и трипольскую, скифскую, славянскую и другие культуры, определяющие собою известные исторические периоды. Культуру основной группы «полей погребений» следует датировать, как это вытекает из результатов проработки многочисленных групп памятников, временем I—IV вв. н. э. Памятники «полей погребений» встречаются не в ограниченном количестве пунктов, как это казалось раньше, а в наибольшей части территории УССР, где эта культура представляет второй этап в развитии материальной культуры местного сарматского населения, проходящий на смену предшествующему этапу II—I вв. до н. э., определяемому как скифо-сарматский.

С. В. Коршенко (Киев) познакомил конференцию с собранными им материалами для составления карты распространения культуры «полей погребений» на территории УССР. Памятники этой культуры распространены на всем протяжении территории УССР, особенно густо концентрируясь в лесостепной полосе. Всего на карту нанесен 161 пункт.

В качестве конкретной иллюстрации одного из указанных 161 пунктов И. М. Фещенко (Киев) выступил с докладом о могильнике сарматского периода, который был раскопан летом 1928 г. у села Привольное экспедицией по исследованию территории Днепроостроя. Вскрытая часть могильника содержала 14 погребений с трупосожжением и 10—с трупоположением. Инвентарь погребений (серо-глиняные, сделанные на круге и орнаментированные мискообразные сосуды, горшки и кувшины; лепные неорнаментированные сосуды из черной массы с значительной примесью крупных зерен кварца; фибулы арбалетные, бронзовые и серебряные; бусы стеклянные и янтарные)

имеет аналогии в одновременных могильниках культуры «полей погребений» в Маслове, Чермяхове, Ромашках и других пунктах.

О памятниках сарматского периода в местных музеях УССР были сделаны сообщения также В. Н. Даниленко (Мелитополь) и Л. Д. Бедржицким (Черкассы).

Итоги работ конференции следует считать значительными. На конференции собрались почти все советские ученые—историки и археологи, работающие над памятниками и историей Украины в скифо-сарматский период. В работах конференции приняли участие не только группа киевских работников, но и представители украинских музеев и университетов, приехавшие в Киев почти из всех областных и многих районных городов УССР. Участвовали в конференции и представители центральных археологических и музейных учреждений: Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра Академии наук СССР и его московского отделения, Эрмитажа и московского Исторического музея. Участники конференции познакомили друг друга с ведущимися или недавно проведенными полевыми работами и научными исследованиями, обменялись мнениями по ряду важнейших и мало разработанных научных вопросов, наконец, что очень важно, выработали план дальнейших работ на ближайшие годы.

Л. Славин

Археологические исследования Узбекистанского комитета по изучению памятников материальной культуры в 1939 г.

В 1939 г. Комитетом было организовано шесть археологических экспедиций, из которых одна—Хорезмская—к моменту составления обзора находилась на полевых работах.

1. Байсунская экспедиция, организованная совместно с ИИМК АН (руководитель А. П. Окладников), закончила раскопки грота Тешик-Таш, начатые в предыдущем году, когда в нем была обнаружена стоянка человека мустьерского времени и скелет неандертальского типа (ВДИ, 1939 г., № 1; Краткие сообщения ИИМК о докладах и полевых исследованиях, 1939 г., вып. 1).

Раскопки текущего года производились на верхней площадке грота. Здесь обнаружены многочисленные кости животных, среди которых привлекают внимание кости крупного хищника, не встречавшиеся при раскопках 1938 г. Каменный инвентарь состоит из скребков, пластин, дисковидных нуклеусов и остроконечников. Среди последних выделяется остроконечник, обработанный «с брюшка», приближающийся по технике к мустьерским находкам Палестины.

Невдалеке от Тешик-Таш произведены раскопки в гроте Амир-Темир, давшие инвентарь, близкий к обнаруженному в Тешик-Таш.

Судя по стратиграфии культурных наслоений и характеру остатков каменной индустрии, грот Амир-Темир являлся временным убежищем; повидимому, из него добывался материал для изготовления каменных орудий. В районе Байсуна рекогносцировочно обследован ряд гротов, в которых обнаружены культурные остатки каменного века, относящиеся к более поздним периодам, чем Тешик-Таш. Здесь же обследован ряд коридорообразных пещер, служивших в древности логовищами хищников, где добыто большое количество костей животных и человека, явившихся добычей хищников.

Материалы, добытые в текущем году, позволяют, повидимому, наметить некоторые этапы в развитии палеолита на территории Узбекистана и сопровождающей их фауны.

2. Бухарская экспедиция (руководитель В. А. Шишкин) продолжала исследования, производившиеся в 1937—1938 гг. в северо-западной части бухарского оазиса, в песках Кызыл-Кум. В 1939 году основные работы заключались в раскопках дворца на городище Варахша, в 35 км от Бухары на северо-восток.

Богатейшая штукавая декорация из раскопок 1937—1938 гг., состоящая из геометрических и растительных орнаментов и горельефных изображений деревьев, птиц,